

Наталья Лихоманова

Киевский университет имени Бориса Гринченко

Институт филологии

ул. Тимошенко 11Б

Киев, Украина

Телефон: 380954253239

E-mail: likhomanovan@gmail.com

Научные интересы: современный литературный процесс, постколониальные студии, нарратология

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ РЕФЛЕКСИИ И НАРРАТИВ

Статья посвящена теоретическим и практическим аспектам нарративных стратегий постколониальной литературы. Теоретической основой служит работа Хоми Бхабха «Нация и наррация», в которой основоположник метода постколониального анализа рассматривает отдельные произведения как форму текстуальной самоидентификации нации, а также комплекс работ современных украинских исследователей постколониальной проблематики на постсоветском пространстве (М. Павлышина, Т. Гундоровой, Н. Рябчука, О. Юрчук). Практическое применение метода демонстрируется на примере анализа произведений современных украинских авторов (Юрия Андруховича, Оксаны Забужко, Сергея Жадана, Свитланы Пырколо).

Анализируется образ рассказчика, как правило, это поэт, путешествующий за пределами родной страны и демонстрирующий как личные, так и общекультурные национальные рефлексии. Характерно, что авторы таких произведений часто используют особую жанровую форму – прозиметр (или мениппея, согласно определению

М. Бахтина), соединяющий прозу и поэзию в одном тексте и создающий таким образом особое доверительное отношение к образу нарратора.

Результатом статьи становятся выводы о характерном для формирования современного украинского постколониального дискурса «номадического мышления» (Жиль Делез).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: постколониальные рефлексии, нарратив, номадическое мышление, современная украинская литература.

Британский литературовед Питер Барри считает, что постколониальная критика отрицает «универсальный» стандарт литературы, канон как безоговорочный образец письма и репрезентации реальности, поскольку выводит маргинальные литературы из круга явлений второстепенного плана, а также нивелирует периферийную отстраненность от «центра» интеллектуальных и культурных исканий.

Как отдельная гуманитарная дисциплина постколониализм утверждается в 90-х годах XX века с появлением исследований Эдварда Саида («Культура и империализм»), Хоми Бхабха («Нация и наррация»), Гаятри Чакраворти Спивак («В иных мирах»). В своем развитии она преодолела этапы, которые, по мнению Питера Барри, совпадают с этапами развития феминизма: от критики колонизатора к исследованию самого себя (Барри 2008: 229).

Два течения постколониализма формируют и разную методологическую основу подобного типа исследований. Одно из них сформировано работой Эдварда Саида «Ориентализм», в которой ученый анализирует особенности письма О. де Бальзака, Ш. Бодлера, Лотреамона и демонстрирует их влияние на формирование социального образа европейского расового превосходства. Истоком второго являются работы Хоми Бхабха «Нация и наррация» и «Местонахождение культуры», в которых анализируется сложный комплекс вычленения текстуальности, а также процесс формирования национального дискурса, формирующий амбивалентность нации в контексте определенной нарративной стратегии, когда такие понятия как «народ», «меньшинство», «культурное отличие»

воспринимаются либо как метонимические категории, либо как постоянно сливающиеся в процессе сотворения («написания» (Х. Бгабха) нации. Постколониальная мифологизация в таких текстах часто сосуществует и одновременно противопоставляется постколониальной рефлексии. Также в своей работе американский исследователь утверждает, что разнообразность нарративной модели нации обусловлена прежде всего ее разнородностью и гибридностью.

Предметом нашего исследования выступают нарративные особенности постколониального романа в украинской литературе последних десятилетий. Поскольку сам термин (наряду с постмодернистским романом) достаточно часто употребляется в современном литературоведении, мы не останавливаемся на вопросе целесообразности его использования в контексте данной статьи. На примере произведений Юрия Андруховича, Оксаны Забужко, Свитланы Пырколо, Сергия Жадана мы можем проследить процесс формирования и разрушение национальных стереотипов, поиск и воплощение идентичности путем преодоления постколониальной рефлексии, а также сосуществование в одном текстуальном поле письма оппозиции «своего» и «чужого».

«Характерно, что постколониальные писатели обновляют или создают доколониальную версию собственной нации, отрицая новейшее и современное, испорченное колониальным статусом их стран» (Барри 2008: 231). Именно под таким углом формируется наррация в произведениях таких современных авторов как Мария Матиос, Василь Шкляр, Юрий Винничук, Оксана Забужко, Володимир Лыс, Лариса Деннисенко, Андрий Кокотюха, демифологизирующих советское прошлое.

Существенным, на наш взгляд, является и распространение в современной украинской литературе так называемого «номадического мышления» (Жиль Делез), пространственного и временного отстранения от «своего», способствующего переосмыслению собственной личностной и национальной идентичности, находясь за границей своей страны .

В современном украинском литературоведении методологический инструментарий постколониальных студий используется в работах М. Павлишина, Н. Зборовской, Я. Полищука, П. Иванишина, А. Синченко и др. Знаковыми явлениями стали публикации

исследований Мыколы Рябчука «Постколониальный синдром. Наблюдения» (2011), Тамары Гундоровой «Транзитная культура. Симптомы постколониальной травмы» (2013), Олены Юрчук «В тени империи. Украинская литература в свете постколониальной теории» (2013).

Отдельно следует остановиться на монографии Тамары Гундоровой, поскольку данная книга - своеобразное продолжение предыдущего исследования украинского литературоведа под названием «Постчернобыльская библиотека. Украинский литературный постмодерн» (2005) и посвящена анализу понятия постколониальной травмы в украинской культуре, которую исследователь представляет как единый нарратив. Транзитная культура, по мнению Гундоровой, является своеобразным переходным этапом, когда чувствуется присутствие прошлого в настоящем, и в тоже время есть угроза, что прошлое может повториться в будущем. Поэтому тема защиты объекта (тела, границ) является сквозной в творчестве анализируемых нами писателей: «Не руш моїх кіл – мої кола тобі не належать», - пишет Оксана Забужко, вынося в эпиграф и напоминая нам слова Архимеда, сказанные им римскому легионеру, когда римляне захватили Сиракузы (ведь, как известно, у древних греков круг выступал символом целостности и суверенности) (Забужко 2000: 11).

Травмированное постколониальное сознание, травмированная история, травмированное тело являются не только убежищами новых смыслов, но и угрозами для сознания, истории, тела. Травматические события возвращаются через симптомы, повторяются в снах, событиях, жестах. Нужны особые усилия, особенное прорабатывание памяти, чтобы оторваться от травматического прошлого, освободить современность и локализовать собственное «я»: исчезнувший, «потерянный объект становится частью субъекта и продолжает существовать в нем как «другой», влияя на самоощущение себя, ориентацию в мире, этические и культурные ценности» (Гундорова 2013: 15). Именно такие усилия прорабатывания собственного «я», по мнению Т. Гундоровой, и фиксирует современная украинская литература.

Цитата из романа современной украинской писательницы Свитланы Пырколо «Не думай о красном» может служить иллюстрацией данного тезиса: «Українці не люблять інших українців за кордоном. Ми наганяємо одне на одного депресію. Коли за кордоном зустрічаються двоє поляків чи бразилійців, вони радіють одне одному. А коли

зустрічаються двоє українців, вони обоє тільки кажуть: о, і ти теж з України, потім буде розгублена мовчанка, а потім вони намагатимуться якомога швидше розбігтися. <...> Можливо, ми не знаємо, якою мовою говорити – російською чи українською, чи нам не хочеться визнавати, що ми покинули Україну, коли всі її покидають <...> Можливо, нам подобається бути унікальними представниками незнаної країни, розповідати людям, де знаходиться Київ і що він далеко від Сибіру, казати, що Україна – це така невідкрита Європа...» (Пырколо 2006: 51-52)¹.

На наш взгляд, при анализе особенностей постколониальной наррации целесообразно использовать метафору «номадического мышления» Жюль Делеза, о которой французский философ говорит в своей работе «Логика смысла». С его точки зрения, номадическое (кочующее) мышление противостоит оседлому, рационалистическому мышлению. «Номадическое мышление» стремится сохранить различие и разнородность понятий там, где «государственное мышление» выстраивает иерархию и сводит все к единому центру-субъекту. Понятие, освобожденное от структуры репрезентации, представляет собой точку воздействия различных сил, которые противопоставляются власти. Последняя является продуктом репрезентации и направлена на создание иерархии, в то время как свободная игра сил разрушает любой централизованный порядок: « вместо замкнутого пространства, поделенного между фиксированными результатами, в соответствии с гипотезами [о распределении], подвижные результаты распределяются в открытом пространстве уникального и неделимого броска. Это - номадическое, а не оседлое, распределение, где каждая система сингулярностей коммуницирует и резонирует с другими, причем другие системы

---

¹ «Українці не любя́т други́х украи́нцев за рубе́жом. Мы нага́няем друг на друга депресси́ю. Когда за рубе́жом встреча́ются дво́е поля́ков или бразильце́в, они ра́дуются друг дру́гу. А когда встреча́ются дво́е украи́нцев, они оба́ лишь́ гово́рят: о, и ты́ то́же из Украи́ны, потом́ следу́ет пау́за расте́рянности, а́ затем они поста́раются каќ можно́ бы́стрее разбе́жаться <...> Возмо́жно, мы́ не зна́ем, на́ каком́ язы́ке гово́рить – русско́м или́ украи́нском, или́ нам не́ хоче́тся при́знаться, что́ мы́ броси́ли Украи́ну, ко́гда все́ ее́ броса́ют <...> Возмо́жно, нам́ нра́вится бы́ть уніка́льными предста́вителями́ неизве́стной стра́ны, рассказы́вать лю́дям, где́ нахо́дится Ки́ев и что́ он́ дале́ко от Сиби́ри, гово́рить, что́ Украи́на – это́ така́я неоткры́тая Евро́па...» (Пе́ревод на́ш – Н. Л.)

включают данную систему в себя, а она, одновременно, вовлекает их в самый главный бросок. Это уже игра проблем и вопроса, а не категорического и гипотетического» (Делез : 89).

Используя метафору номадического мышления Жюль Делеза, мы можем говорить и о понятии номадического нарратива, а также формирования его специфики, например, в современном украинском романе. Достаточно распространенный сюжет: писатель, ученый или журналист, путешествуя за пределами родной страны, демонстрирует читателю собственные интеллектуальные, национальные и автобиографические рефлексии (роман Юрия Андруховича «Московиада» (1993), в котором центральным персонажем и рассказчиком выступает Отто фон Ф. - поэт и студент Литературного института имени А. М. Горького и события, соответственно пародийно-игровому названию, происходят в Москве, роман Оксаны Забужко «Полевые исследования украинского секса» (1996), героиня которого приезжает в США по программе академического обмена Фулбрайт, роман Свитланы Пырколо «Не думай о красном» (2004), в котором повествование идет от имени журналистки, несколько лет проработавшей на украинских телеканалах и получившей приглашение работать в офис ВВС (Лондон).

Все три романа имеют автобиографическую основу, поскольку Ю. Андрухович в свое время учился в Московском Литинституте, О. Забужко с 1992 по 1994 годы была в Пенсильванском, Гарвардском и Питсбургском университетах в качестве «приглашенного писателя» и фулбрайтовского стипендиата, а Свитлана Пырколо до сих пор работает в лондонском офисе ВВС. Объединяющим началом творчества этих авторов есть то, что все они изначально презентовали себя как поэты, о чем и пишет С. Пырколо: «Робота ж мені подобалася. У ній не було майже нічого творчого, і це було чудово. Я не люблю творчих робіт, бо тоді немає натхнення і сили писати вірші ночами» (Пырколо 2006: 20)².

Освоение чужого пространства в номадическом нарративе романа заканчивается изданием сборника любовной поэзии: «Незабаром я вже тримала в руках книгу. Мені

---

² «Работа мне нравилась. В ней не было ничего творческого и это было прекрасно. Я не люблю творческих работ, потому что нет вдохновения и сил писать стихи ночами» (Перевод наш – Н. Л.)

погано вірилося в те, що я маю дотичність до цих англомовних віршованих текстів із дикими римами. <...> Скоро відбулася і презентація <...> До мене підходили різні незнайомі пані і панове, із якими ми говорили про абсолютно недотичні до поезії речі, наприклад, про те, як, живучи в Лондоні, іноді страшенно хочеться борщу <...> Хтось мені говорив, що моя поезія продовжує якусь традицію, яка, своєю чергою, продовжує іншу традицію» (Пырколо 2006: 349)³. Як видим, і Хоми Бхабха аналізує націю як наративну модель і прежде всего сосредоточивается на соотношении «своего» и «чужого», подчеркивая значимость «пограничного» пространства. Осмысление «себя» и «другого» всегда находилось в силовом поле конфронтации и противопоставления, таким образом создавая мифологическую картину мира, но именно в постколониальном нарративе «чужое» может заменить «свое», так как чуждым становится собственная страна и собственный язык. Таким образом, и героиня романа Светланы Пырколо приходит к открытию собственного Я через осмысление и восприятие Чужого, чувство собственной идентичности происходит путем временного, географического и языкового дистанцирования. Хоми Бхабха непосредственно прошел через испытания эмиграции и лично почувствовал момент «потери своего сообщества, чтобы уже в другое время и в другом месте пережить ситуацию сборов. Сборы изгнанников и беженцев; сборы на окраинах «иностранной» культуры; сборы на границах; сборы в гетто и кафе городских центров; сборы в полу-знании и полу-понимании иностранных языков или сбор среди Других, естественно владеющих языком; сбор знаков подтверждения и одобрения, степеней, дискурсов, дисциплин; сбор воспоминаний о недоразвитости или о иных мирах; сбор крупиц прошлого в ритуале возрождения; сбор настоящего» (Бхабха 2005: 161). В своей работе «Местонахождение культуры» на вопрос о сосуществовании идентичности и ассимилятивности отвечает так: «Нарративная структура *исторического* вытеснения «призрачного» или «двойственного» прослеживается в интенсификации нарративной

---

³ «Незадолго я уже держала в руках книгу. Мне плохо верилось в то, что я имею отношение к этим англоязычным стихотворным текстам с дикими рифмами <...> Скоро была презентация <...> ко мне подходили разные незнакомые люди, с которыми мы говорили про абсолютно безотносительные к поэзии вещи, например, как, живя в Лондоне, иногда жутко хочется борща <...> Кто-то мне говорил, что моя поэзия продолжает какую-то традицию, которая, в свою очередь, отрицает какую-то другую традицию.» (Перевод наш – Н. Л.)

синхронии в качестве наглядно наблюдаемой позиции в пространстве: «схватить неуловимый ход чистого исторического времени и понять его через непосредственное созерцание» (Бхабха 2005:161).

Ироничный взгляд на свой мир демонстрирует главная героиня романа «Не думай о красном» при описании вечера прощания с друзьями перед отъездом в Великобританию, полностью подтверждая культурные стереотипы «своего» и «чужого»: «Ми пили горілку, їли сало, солоні огірки та квашені помідори, а зі стіни на нас, молодих українських письменників та журналістів, з надією й жахом дивився вишитий Шевченко» (Пырколо 2006: 4)⁴. Впрочем, и мир чужого, хотя и оттеняет собственное мировосприятие, но вовсе не разрушает гастрономические стереотипы культурной идентичности: «На сніданок у готелі давали вівсяні пластівці з молоком і тости з маслом. Для британця це – смачний сніданок, після якого треба натягнути костюм у смужечку і поїхати на потязі в Сіті стежити за ринком цінних паперів. Для молодой відносно здорової української людини – загрозливий симптом» (Пырколо 2006: 13)⁵

Автор вводит в текст автобиографические и фактографические детали, иронически упоминает о культовых личностях современности, например, рассказывая о встрече с пророком украинской литературы господином Андруховичем, который приезжает на славистический конгресс, где должен прочесть лекцию на тему: «Как плохо, или наоборот, как хорошо, или вообще как быть писателем в стране, языка которой никто не знает, толком тебя перевести не может, а в самой стране народ бедный и книги не покупает, и бог его знает, что с этим делать, но все-таки постмодернизм и гибель цивилизации, что есть очень хорошо», или на какую-либо подобную тему» (Пырколо 2006: 221).

---

⁴ «Мы пили водку, ели сало, соленые огурцы и квашеные помидоры, а со стены на нас, молодых украинских писателей и журналистов, с надеждой и ужасом смотрел вишитый Тарас Шевченко» (Перевод наш – Н.Л.)

⁵ «На завтрак в гостинице давали овсяные хлопья с молоком и тосты с маслом. Для британца это – вкусный завтрак, после которого нужно одеть костюм в полосочку и поехать на поезде в Сити наблюдать за рынком ценных бумаг. Для молодого относительно здорового украинца – угрожающий симптом» (Перевод наш – Н.Л.)

Важно заметить, что вновь актуализируется столь редко встречающаяся литературная форма как прозиметр, соединяющая в одном литературном произведении элементы прозы и поэзии. Наиболее известным прозиметром является «Новая жизнь» Данте, где знаменитая поэтическая история любви, изложенная в «сладком новом стиле», соединяются с прозаическими авторскими комментариями, уточнениями относительно жизненных обстоятельств и размышлениями о поэзии. Термин «прозиметр» (prosimetrum) появляется в XII веке, хотя подобная форма литературного произведения уже существовала в III веке до н. э. и связана она с именем философа Мениппа из Гадары, известного своими сатирами, которые позже были названы менипповыми. До наших дней его произведения не дошли, хотя известно, что в античности они пользовались особой популярностью, поскольку соединяли в себе не только стихи и прозу, но элементы серьезного и смешного, высокого и низкого, обыденного и фантастического.

Произведения, жанровые особенности которых генетически связаны с Менипповой сатирой, Михаил Бахтин назвал обобщающим термином «мениппея» и определил как жанр «конечных вопросов». Очевидно, что анализируемые нами произведения содержат не только общие черты мениппеи, но и композиционно часто строятся по принципу прозиметра.

Например, в одном из последних своих романов «Месопотамия» Сергей Жадан соединяет девять рассказов, каждый из которых носит имена персонажей книги и содержит их личную историю, и «тридцать поэтических уточнений» (Жадан 2013: 3). Общим пространством мениппеи С. Жадана становится Харьков советского времени. Рассказы объединены общей сюжетной линией, в которой переплетаются мистичность и обыденность, а поэзия служит своеобразным фоном («как музыка в фильмах Хичкока» (У. Эко), повышающая степень доверия к рассказчику.

Или, например, роман «Московиада» Ю. Андруховича, в котором присутствуют все жанровые черты мениппеи: мотив путешествия в потусторонний мир, элементы карнавализации художественного пространства, а также мотив инициации, перерождения и, возможно, дальнейшего возрождения главного героя. Отметим, что и архитектурно произведение делится на две части: основную (повествовательную) прозаическую (роман

«Московиада») и «дополнение к роману» - лирическую (избранная поэзия «Из цикла «Письма в Украину»).

Главный герой Отто фон Ф. часто вспоминает малоизвестные стихи Ю. Андруховича, написанные в 1990 г. в Москве, которые, возможно, и стали отправной точкой трансцендентного путешествия студента Литинститута, либо точкой невозвращения в Украину. Цикл поэзий не столько демонстрирует лирическое «я» главного героя (если вспомнить подобный прием соединения и идейно-эстетического дополнения поэзии и прозы в одном произведении, то можем к примеру вспомнить роман «Доктор Живаго» Б. Пастернака»), сколько представляет предысторию героя, автора и самого произведения (в комментариях к роману сказано, что цикл был написан и опубликован значительно раньше романа). Перед нами лирический портрет как самого рассказчика, так и города, в котором происходят события: « А тим часом я мандрую Москвою, / де метро трагічне і стратегічне, / що не є такою же лафою, / чи халвою (слово яке магічне!), / адже це всього лиш система сховищ / у сусідстві з пеклом, і вкрай сумнівно, / щоб такий собі простий Андрухович / розкусив систему. Й коли о пів на / першу ночі ходиш підземним холлом / кільцевої лінії, ще в тридцяті / героїчно зданої комсомолом, / мимоволі згадуєш не Буццаті / і, тим більше, не Кафку, а щось дорожче, / як, наприклад, розстріли, наркомати, / портупей...» (Андрухович 1997: 255).⁶

Родная страна для лирического героя остается страной «подпольного барокко», потерянным раем, отправной и конечной точкой его путешествия: «Україна ж – це країна бароко. / Мандрувати нею – для ока втіха» (Андрухович 1997: 250).

---

⁶ «А я странствую сквозь Москву. / Здесь метро трагическое и стратегическое, / не похоже это совсем на лафу / и халву (какое слово магическое!) / По соседству от ада, химер и фурий, / по системе убежищ. Сомнительно ныне, / чтоб какой-то там просто Юрий / Андрухович ее раскусил. В половине / первого бродишь глубоким холлом / кольцевой, что еще в тридцатые / героическим строена комсомолом, / и приходят на ум не Буццати / и не Кафка, не будь он к ночи, / а расстрелы и наркоматы, / портупей» (Перевод Андрея Пустогарова)

Литература

- АНДРУХОВИЧ, Ю., 1997. *Рекреації. Московіада*: Романи. Київ: Час.
- БАРРІ, П., 2008. *Вступ до теорії: літературознавство та культурологія*. Київ: Смолоскип.
- БХАБХА, Х., *Местонахождение культуры*. Перекрестки. №. 3-4, 161-192.
- ГУНДОРОВА, Т., 2013. *Транзитна культура. Симптоми постколоніальної травми*: Статті та есеї. Київ: Грані-Т.
- ДЕЛЕЗ, Ж., 1998. *Логика смысла*. Москва: Раритет. Екатеринбург: Деловая книга.
- ЖАДАН, С., 2014. *Месопотамія*: Роман. Харків: Клуб сімейного дозвілля.
- ЗАБУЖКО, О., 2000. *Новий закон Архімеда*: Вибрані вірші 1980-1998. Харків: АКТА.
- ПИРКАЛО, С., 2006. *Не думай про червоне*. Роман не для молодшого шкільного віку: Роман. Київ: Факт.

Natalia Likhomanova

Kyiv Boris Hrinchenko University

Institute of Philology

Ukraine

Research interests: contemporary literature, postcolonial studies, narratology

POSTLONIAL REFLECTION AND NARRATIVE

Summary

The article is devoted to theoretical and practical aspects of the narrative strategies of post-colonial literature. The theoretical basis is the work of Homi Bhabha, "The Nation and narration", in which the founder of method of the post-colonial analysis considers the individual

works as a form of textual identity of the nation, as well as a set of works of modern Ukrainian researchers of postcolonial perspective on the post-Soviet space (M. Pavlyshina, T. Gundorova, M.. Ryabchuk, O. Yurchuk). Practical application of the method demonstrated by the analysis of the works of contemporary Ukrainian writers (Yuriy Andrukhovych, Oksana Zabuzhko, Sergiy Zhadan, Svitlana Pyrkalo).

In the article analyzes of the narrator image, as a rule, it's a poet, a traveling outside their home country and demonstrating both personal and cultural national reflection. It is significant that the authors of such works often use a particular genre form - prozimetr (or menippea, as defined by M.Bakhtin) connecting prose and poetry in a single text and thus created a special trusted relationship to the image of the narrator.

Article result to conclusions about the characteristic of the formation of the modern Ukrainian postcolonial discourse "nomadic thinking" (Gilles Deleuze).

KEYWORDS: postcolonial reflection, narrative, the modern Ukrainian literature.